

Стив Левин

Творческая неудача или «почти шедевр»?

Рассказ И.Э. Бабеля «Карл-Янкель»

Рассказ был напечатан в седьмом номере ленинградского журнала «Звезда» за 1931 год. Этот и следующий годы были ознаменованы для Бабеля новым творческим взлетом после долгого «молчания». В апреле 1931-го его «Конармия» выходит уже пятым-шестым изданием (в конце предыдущего года четвертое издание разошлось, как писал Бабель родным 15 декабря 1930 года, «в рекордный и небывалый срок, чуть ли не в семь дней – и требуется новое переиздание»). На суд читателей и критики выносятся «новые рассказы» Бабеля – «Пробуждение» (Молодая гвардия, 1931, № 17-18), «В подвале», «Гапа Гужва» (Новый мир, 1931, № 10). В том же «Новом мире» в следующем году, в № 3, напечатан завершающий «Конармию» рассказ «Аргамак», в журнале «30 дней» за 1932 г. – «Конец богадельни» (№ 1), «Дорога» (№ 3), «Иван-да-Марья» (№ 4) и «Гюи де Мопассан» (№ 6). «Редакции рвут на части – я не успеваю за их требованиями», – пишет Бабель 7 декабря 1931 г. из Москвы матери и сестре.

В декабре 1931 года в Гослитиздате выходит сборник «Одесские рассказы», куда, кроме четырех рассказов названного цикла и пьесы «Закат», вошли также «Иисусов грех», «История моей голубятни», «Первая любовь», «Конец св. Ипатия», «У батьки нашего Махно» и «Ты проморгал, капитан!».

На фоне этой лавины рассказов, явившей, по мнению критики, «нового Бабеля», «Карл-Янкель» не вызвал в советской прессе сколько-нибудь заметного отклика. За рубежом его заметил и высоко оценил Г.В. Адамович. «В седьмом номере «Звезды» Бабель поместил рассказ «Карл-Янкель», – писал он, – рассказ совсем короткий – «пустячок», на первый взгляд. Этот пустячок,

в сущности, удивительная вещь, почти шедевр, почти – если бы не заключение, будто смазанное, недописанное. Рассказ напоминает лучшие вещи Мопассана по какой-то беспощадной зоркости и умению найти слова, простые, короткие и незаменимые.*

Сам Бабель оценил свое творение иначе. В письме родным 2 января 1932 года он писал: «Удивляюсь тому, что в зарубежной прессе пишут о таких пустяках, как «Карл-Янкель». Рассказ этот неудачен и к тому же чудовищно искажен. Я уже, кажется, писал вам, что его напечатали по невыправленному тексту (черновому) с ошибками, совершенно уничтожающими смысл. Вообще, то, что печатается, есть ничтожная доля сделанного, а основная работа производится теперь. С похвалами рано, посмотрим, что будет дальше».**

Бабель вообще был склонен весьма критически оценивать то, что вышло из-под его пера и стало достоянием читателя (не делал он исключения и для «Конармии»). Требовательный художник, он стремился к совершенству сделанного и подлинному профессионализму.

Кстати, в тексте первой публикации рассказа отнюдь не видны «чудовищные» искажения и «ошибки, совершенно уничтожающие смысл» – есть лишь отдельные опечатки и ошибки, исправленные при дальнейших переизданиях (правда, рукопись этого рассказа, как и многих других бабелевских текстов, не сохранилась).

И все же, как читается рассказ сегодня? Какое место он занимает в творчестве Бабеля, и с какими событиями его времени связан?

О том, какое значение придавал Бабель этому, по его выражению, «пустяку», свидетельствует факт включения «Карла-Янкеля» в сборники писателя, следовавшие за первой его публикацией, – 1932, 1934, 1935 и 1936 годов.

Впечатление о незатейливости содержания рассказа обманчиво – ход событий в нем скрывает глубокий смысл.

---

* Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1. («Последние новости», 1928-1931.) – СПб.: Алетейя, 2002, с. 632-633.

** Бабель Исаак. Собр. соч. В 4 тт. – М: Время, 2006, т. 4, с. 300.

Фабула и сюжет рассказа

Фабула – последовательность событий – рассказа проста. Начинается он с истории одесской семьи Брутманов – кузнеца Иойны, его жены Браны, их трех сыновей и дочери Полины, вышедшей замуж за советского партийного активиста Овсея Белоцерковского. Этот последний возбудил судебное дело против своей тещи, которая, по-видимому, не без ведома дочери, отнесла родившегося у нее сына к «малому оператору» (моэлю) Нафтуле Герчику, и тот в присутствии *миньяна* из десяти стариков сделал ему обрезание. Одесская прокуратура устраивает показательный процесс над моэлем и бабушкой ребенка, который проходит при большом стечении народа на фабрике имени Петровского. Хотя на суде присутствуют защита, обвинение, свидетели и эксперты, выглядит он как фарс. Подсудимым предъявляют абсурдные обвинения, а главной задачей суда является доказать наличие сговора между Браной, Полиной и моэлем Нафтулой с целью совершения «преступного деяния» – то бишь обрезания (*бриса*) новорожденного младенца.

Кстати, по советским законам обрезание не было запрещено (в стране имелось многомиллионное мусульманское население). Моэлей, совершавших эту несложную операцию, отдавали под суд под другим совершенно надуманным предлогом. Так, прокурор в рассказе «гремел с кафедры, стремясь доказать, что малый оператор является служителем культа» и, «высасывая кровь губами <...> подвергал детей опасности заражения» (об этом моменте речь впереди).

Расчисленный заранее ход показательного процесса прерывает обморок свидетельницы Полины Белоцерковской, которую теснил и запутывал обвинитель, бывший присяжный поверенный Самуил Лининг.

Объявлен перерыв, во время которого младенца Карла-Янкеля, зашедшего в голодном крике, кормит грудью какая-то женщина, «работница с лицом киргизки», а его клеенку вытирает «девчонка лет семнадцати, в красном платочке и с щеками, торчащими, как шишки». Карл-Янкель в надежных руках, есть кому о нем позаботиться. Его будущее обеспечит вся советская страна. И поэтому не может быть, чтобы он не был счастлив – счастливее того, кто ведет о нем рассказ.

В сущности, ход событий в рассказе не завершен – мы не знаем, чем кончился этот процесс, хотя и догадываемся, что осуждением обвиняемых по надуманным статьям.

Декларативная и декоративная (на фоне окружающих ребенка в красном уголке фабрики портрета Ленина, диаграмм выработки, знамен и ружей) концовка рассказа отнюдь не убеждает в том, что судьба малыша будет такой ясной и безоблачной, если учесть, что этому родившемуся в начале 1920-х годов еврею предстоит уже в зрелом возрасте пройти через полосу сталинских репрессий, войну и Холокост.

Но этот, казалось бы, вполне советский по внешней канве событий рассказ-«пустяк» содержит такие глубокие и важные смыслы, которые обнаруживаются только при внимательном чтении и сопоставлении с общей атмосферой жизни в СССР 1920-1930-х годов, – что позволяет ставить его в один ряд с такими шедеврами Бабеля, как «Нефть», «Гапа Гужва» и «Колывушка». Постараемся это доказать, обратившись к *сюжету* рассказа и его фактической основе.

В отличие от фавулы с ее последовательным изложением событий, сюжет обнаруживает их сцепление, взаимную обусловленность и причинно-следственную связь. Здесь важны каждая деталь, каждый нюанс в описании. Именно сюжетное движение раскрывает позицию автора произведения.

Начало и направление этого движения задано уже заглавием рассказа. Им обозначены два противостоящих друг другу мира, две несовместимые идеологемы. Карлом назван младенца его отец, «кандидат партии» Овсей Белоцерковский, конечно, в честь Карла Маркса. Янкелем (Яковом) – при обрезании – в честь одного из праотцев еврейского народа.

Эта антитеза – «старозаветного» еврейского и «новозаветного» коммунистического – проходит через все творчество Бабеля. В «Конармии» «сын рабби» Илья Брацлавский пытался соединить эти два начала. В его походном сундучке «все было свалено вместе – мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских

стихов». Но совместить «страницы «Песни песней» и револьверные патроны» так же невозможно, как смешать масло с водой...

В рассказе «Иван-да-Марья» комиссара Ларсона, который «ре-мизит», порочит Волгу, Калугу и разгульную душу русского человека, зовут Карл. «Ты не смеешь мучить Россию, Карл», – говорит ему «отчаянный человек» капитан парохода Коростелев.

Оппозиция «Карл-Янкель» обозначила две переплетающиеся, но несходные линии сюжета, основанного, по-видимому, на реальных событиях.

«...собирались судить еврейскую религию»

Описанный в рассказе показательный судебный процесс над участниками обрезания еврейского ребенка – явление, характерное в особенности для первого десятилетия советской власти. С самого установления господства в бывшей Российской империи большевики начали борьбу с иудаизмом, причем велась она в основном силами большевиков еврейского происхождения, так называемых «евсековцев».

28 декабря 1920 года появился циркуляр еврейского отдела Народного комиссариата просвещения о ликвидации хедеров и ешив. Была развернута атеистическая пропаганда. По мнению белорусско-го (а ныне израильского) историка и публициста Якова Басина, начало этой кампании по закрытию еврейских религиозных учебных заведений и дискредитации иудаизма было положено в Белоруссии.

«Начиная с 1921 г. во многих городах [Белоруссии] были организованы показательные судебные процессы над иудаизмом и религиозным обучением. Первая публичная акция такого рода прошла в Витебске в январе 1920 г. Власти тщательно готовились к этому «суду»: нашли нужное помещение (театр «Рекорд»), подобрали соответствующий состав судей, экспертов, свидетелей. Газетные публикации обеспечили необходимую обстановку в зале. <...> «Обвинение» поддерживали деятель местной евсекции и представитель Комбунда. Едва ли не основным тезисом так называемого «обвинительного заключения» было то, что ни у одного другого народа нет подобной системы образования. Абсурдность такого обоснования была очевидной, но власти это не смущало. <...>

«Суд» в Витебске получил настолько широкий резонанс во всей стране, что Центральное бюро евсекций даже одобрило витебскую инициативу и рекомендовало своим местным отделениям перенять опыт. Власти усиливали давление, и во многих городах прошли аналогичные «суды». В Могилеве, к примеру, суд длился семь дней. Он открылся 19 февраля в помещении городского театра, который не смог вместить всех желающих. Привели большое число «обвинителей», «защитников», «экспертов», «свидетелей», хотя приговор был ясен еще до начала «суда»: хедер как общественное явление должен быть ликвидирован».*

«Политсудами» и судами-спектаклями дело, однако, не ограничилось. Состоялись суды над «служителями культа» – раввинами, меламедами, шойхетами (резниками). В числе их оказались и мозэи – операторы при обрезании. «В 1931 г. в Минске состоялся процесс над мозлем Руденским, которого осудили на три года, – отмечает Я. Басин, – <...> Суды над служителями еврейского культа продолжались почти до конца 30-х гг. Последний прошел в 1938 г. Осужденный мозль получил пятилетний срок».**

Пик преследований религии в Советском Союзе пришелся на 1929-й – «год великого перелома». 24 января этого года появилась секретная директива ЦК ВКП(б), в которой все религиозные организации объявлялись «единственно легально действующими контрреволюционными <...> имеющими серьезное влияние на население».

В 1931 году были закрыты едва ли не последние синагоги во всех крупных городах. А в 1932-м в стране была объявлена антирелигиозная пятилетка. Предполагалось, что к 1 мая 1937 года в стране не останется ни одного действующего религиозного учреждения.***

И именно в 1931 году появляется в печати рассказ Бабеля «Карл-Янкель».

Можно предположить, что в основе сюжета рассказа лежат подлинные события, происходившие в Одессе в начале 1920-х годов. В частности, одесский журналист Феликс Зинько обращает

* Басин Я. Музы и тьма: Исторические очерки. В 2 т. Т. II («Почем «опиум» для еврейского народа»). – Иерусалим: Достояние, 2015, с. 42, 44.

** Там же, с. 49, 50.

*** Там же, с. 65

внимание на открытый судебный процесс, происходивший в Одессе 24 июня 1924 года в клубе трамвайщиков им. Матьяша, который помещался на Старопортофранковской, 34.

«Суд в составе председателя Шевченко, народных заседателей Дозоренко и Кувшинова и секретаря Гоцуляка собрался, дабы рассмотреть дело № 758 ответчика Балаца Моисея Израилева, а также обвиняемой Гершкович Симы Абрамовны, домохозяйки, по обвинению в том, что в марте месяце 1924 года они самоуправно совершили обряд обрезания над ребенком своих родственников». После публичного разбирательства суд вынес вердикт: «Обвиняемых Балаца и Гершкович признать виновными и подвергнуть принудительным работам на шесть месяцев, но, принимая во внимание их малолетство (? – С. Л.), наказание сократить на 1/3». Далее высочайший суд записал: «Ввиду того, что обвиняемые не судились ранее, учитывая их недоразвитость, осознание своего поступка, суд нашел возможным применить к ним ст. 28 УК УССР и наказание снизить, заменив принудительные работы курсами политграмоты с прикреплением их к клубу Депо – Трамвай и, кроме того, к курсам ликбеза». <...> Приговор «с удовлетворением встречен присутствующими в зале трудящимися», – как писали местные газеты.*

Разыскав в архиве среди бумаг Одесского губкома это дело, Зинько обнаружил, что заявителем в нем был известный в те годы революционер и советский деятель Николай Иванович Матьяш, в анкетах называвший себя украинцем. Истинное имя его было Иона Срулевич. Имеется его заявление о том, что «родственники без его ведома совершили обрезание над... его сыном».

Матьяш «сам тянулся к перу и выпустил в Одессе несколько книжонок». Зинько уверен, что именно он послужил Бабелю прототипом для прокурора Орлова (урожденного Зусмана), так метко и остро высмеянного в рассказе моэлем Нафтулой. «Конечно, – пишет Зинько, – Бабель преотлично все знал о Матьяше и его истинной национальности <...> Но, возможно, писательская корпоративность не позволила ему поставить все точки над і».**

Последнее вызывает недоумение: если сравнивать Матьяша с кем-то из героев рассказа, то скорее не с прокурором, а с заяви-

* Зинько Ф. Мудрый ребе. – Одесса: Печатный дом, 2008, с. 41-42.

** Там же.

телем – Овсеем Белоцерковским. И о какой «писательской корпоративности» Бабеля с писателем-дилетантом может идти речь?

Вероятно, не стоит отождествлять сюжет рассказа Бабеля с каким-то одним судебным процессом, так же, как и его персонажей с указанными конкретными людьми. Отталкиваясь от действительности, «забывая» ее, писатель, как всегда, воссоздавал ее преображенной в «ослепительном свете» вымысла. И тогда в его героях проступали прототипические черты известных исторических лиц (начдив-6 Савицкий в «Конармии» и прославленный конармейский начдив, а в будущем нарком обороны маршал С.К. Тимошенко).

М. Вайскопф отметил это в герое бабелевского рассказа:

«Примечательна в «Карле-Янкеле» (1931) биография одного из сыновей кузнеца Йоны – Семена Брутмана. В гражданскую войну он поступил «к Примакову – в дивизию червонного казачества. Его выбрали командиром казачьего полка, и потом, когда дивизию развернули в корпус, он стал комдивом (первая публикация, 1931 г.). Несомненно, прототипом для Брутмана послужил близкий друг Бабеля – и многих других писателей – *Гутман*, сначала командовавший полком, а затем 2-й червонной дивизией. Правда, свою фамилию Давид Гутман еще до революции сменил на *Шмидт* (в память о прославленном лейтенанте). Но «шмидт» – и по-немецки, и на идиш – это кузнец; и Бабель, соответственно, делает Брутмана сыном кузнеца.

Последующая драма червонного казака проливает некоторый свет на политические зигзаги писателя. В годы внутривластной борьбы Шмидт энергично поддержал Троцкого – и, естественно, попал в опалу, подытоженную его гибелью (расстрелян он был в 1937-м в звании комбрига). Бабель, который посвятил «Мите Шмидту, начдиву второй червонной» «Жизнеописание Павличенки», уже в 1926-м, в книге «Конармия», предусмотрительно снял это посвящение, а в изданиях «Карла-Янкеля», вышедших после 1931 г., разжаловал своего начдива в командиры полка».^{***}

Можно указать на одного реального человека, которого Бабель сделал персонажем рассказа. Во время скандала в зале суда,

---

^{***} Вайскопф М. Советское Рождество: иудаизм и христианство в поэтике Исаака Бабеля // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23-26 июня 2014 г. – М: Книжники, 2016, с. 180-181.

вызванного репликой моэля Нафтулы в адрес прокурора Орлова (Зусмана) о том, что, делая ему «брис» тридцать лет тому назад, он (моэль) «не захватил вместе с этим куском пустяков ничего такого, что бы вам (Орлову) потом пригодилось...», «Саша Светлов, фельетонист «Одесских известий» посылает прокурору записку: «Ты баран, Сема, – значилось в записке, – убей его иронией; убивает исключительно смешное... Твой Саша».

Фельетониста Александра Светлова К. Паустовский вывел в рассказе «Репортер Крыс» (Одесса, 1922). В финале рассказа о самоотверженном пожарном репортере «Станка», доказавшем свое право быть газетчиком, «знаменитый парень» репортер Светлов натянул Крысу кепку до самого рта и крикнул: – Работай, Крыс, шмаровоз! Из тебя будет толк!».*

Значит, уже в начале 1920-х годов Светлов был знаменит в Одессе. А то, что он понимал силу смешного и был мастером острой иронии, доказывает один из его фельетонов, опубликованный в одесском журнале «Шквал» (1926, № 33 (65), с. 2). Озаглавлен он «Знаменитый Мойша Окс». Так называет себя старый одесский вор, настоящее имя которого Моисей Ефимович Зильберман. «Профессор» своего дела, державший в былые времена в Одессе на Молдаванке воровскую «академию», где «учились «великому мастерству» воровать», он дает интервью Светлову в здании Одесского окружного суда перед отправкой на Соловки.

Светлов мастерски воспроизводит характер этого обломка старой Одессы, используя, как и Бабель, воровской жаргон и идишизмы. Вот замечательный диалог героя и репортера:

«– Какие ваши самые знаменитые дела?

– У мене все знаменитые... Я сам – «Знаменитый».

– А все-таки?

– Все-таки... Это будет дело за артистку Клару Юнг и за генерала Козловского.

– Что вы взяли?

– За Кларочку я взял полтора года, а за генерала, слава богу, – «роты».

О-о! Я все знаю!.. Я знаю Одессу – лучше, как ее знает адресный (так?) стол... И она мне знает, как родная мама».

* Паустовский К. Собр. соч. в 7 т. – [М.]: Терра – Книжный клуб, 2002, т. 7, с. 15.

Бабель хорошо знал историю старого одесского вора, о чем поведал замечательный покойный одесский краевед Ростислав Александров (Александр Розенбойм). Он слышал от престарелого бывшего следователя Одесского уголовного розыска Сергея Ильича Гескина рассказ о том, как тот допрашивал там в 1920-е годы знаменитого Мойшу Окса:

«А я уже не работаю, – развязно начал было он и пожал плечами, – какой работа для Мойша Окс, если теперь не клиент, а один сплошной голодранец». Но потом, уловив опасность в молчании следователя С.И. Гескина, Окс спохватился: «Могу что-то поговорить, только заберите этот очкарик». В углу сидел Бабель, и под его беспощадно-любопытным взглядом старому вору было очень неуютно...».**

Подводное течение

Как уже говорилось, развитие сюжета рассказа определяет оппозиция «старозаветного» и «новозаветного» (иудейского и новосоветского) начал, воплощенных в оксюморонном имени Карла-Янкеля. Как и в «Конармии», Бабель наделяет повествователя в рассказе чертами своей биографии и эмоциональным обликом, но не сливается с ним, оставляя за собой право окончательной оценки. Эта оценка просвечивает в поворотах сюжета, в ракурсах освещения героев и особенно в деталях их описания и контрастном сопоставлении.

Главная тема рассказа задана в самом начале повествования о судьбе семьи кузнеца Иойны Брутмана – это тема семейной, родовой еврейской наследственности (своего рода «мысль семейная», пользуясь выражением Толстого).

Иойна, «пугливый маленький человек», но «приученный к вину, в нем жила душа одесского еврея», – «родил» трех могучих по облику сыновей. «Отец доходил им до пояса. На пересыпском берегу я впервые задумался о могуществе сил, тайно живущих в природе. Три раскормленных бугая с багровыми плечами и ступнями

** Александров Р. Исхоженные детством. Изд. 2-е, испр. и доп. – Одесса: Optimum, 2009, с. 190, 191.

лопатай – они сносили сухонького Иойну в воду, как сносят младенца. И все-таки родил их он и никто другой. Тут не было сомнений».*

Тем не менее «ростом и силой сыновья походили на мать». И только младшая Поля, которая была «пуглива, близорука, с нежной кожей», «одна во всей семье <...> пошла в маленького Иойну».

Бабель задумывается над загадкой еврейской наследственности. Еврейские мудрецы разъясняют (Нида, 31а), что ребенок получает белое вещество от отца (отсюда произойдут кости, жилы, ногти, головной мозг, белки глаз), а красное – от матери (кожа, мышцы, волосы, радужка глаза). Есть еще третий участник появления человека на свет: «А Всевышний дает ему душу, черты лица и способность глаза видеть, а уха – слышать, и речь, и способность ног ходить, и разумение, и постижение».

В рассказе именно от матери сыновья получают стать и мышечную силу, а вот кожей и нравом дочь похожа на отца. И именно ей и ее сыну суждено продолжить род Брутманов.

Революция и война вторгаются в судьбу этой семьи и прерывают извечный процесс наследования по линии сыновей. Двое из сыновей Иойны ушли в партизаны. Старшего убили, другой, Семен, в Гражданскую командовал крупным подразделением в корпусе червонного казачества Примакова и положил начало «породе еврейских рубак, наездников и партизанов». Его дети кочуют с дивизией, в которой он служит, но к еврейству никакого отношения уже не имеют. Доказательством этому слова Поли на суде о ее матери: «...она всегда страдала оттого, что дети ее неверующие, и не могла перенести мысли о том, что внуки ее не будут евреями».

Третий сын, ставший кузнецом по наследству и работающий на плужном заводе, «не женился и никого не родил». В еврейской традиции, идущей от Талмуда, бездетный подобен мертвому, как нищий, слепой и прокаженный...

Не будь Поли, род Брутманов прервался бы. Но именно она дала роду наследника, еврейство которого удостоверено его вхождением в союз с Всевышним, то есть обрезанием.

И тут Бабель создает вставную новеллу в новелле – настоящий гимн бриту (ашкеназское *брис*) и тому, кто его совершает. Это об-

* Рассказ «Карл-Янкель», кроме оговоренных случаев, цит. по: Бабель И. Рассказы. – СПб.: Вита Нова, 2014, с. 422-429.

щий праздник, и Нафтула – главный его участник. Он – такое же олицетворение Одессы, как памятник дюку де Ришелье. Свое дело, способствующее продолжению рода, он вершит по извечно заведенному порядку, но с огромным энтузиазмом. Рассказчик говорит, что помнит его с детства: «Я помню, как он проходил мимо наших окон на Дальницкой с трепаной, засаленной акушерской сумкой в руках. В этой сумке хранились немудрящие его инструменты». Сам Бабель по возрасту не мог его видеть, так как в доме № 21 по Дальницкой улице, где он родился 30 июня 1894 года по старому стилю (12 июля – по новому), пробыл недолго и не позднее ноября 1895 года с семьей переехал в Николаев.**

Созданная в рассказе карнавальная картина праздника в честь обрезания младенца – это важнейшая часть сотворенного Бабелем одесского мифа. Нафтула уподоблен библейскому Адаму: «Он был рыж, Нафтула, как первый человек на земле». Я.Л. Либерман видит здесь «намек на Исава (в еврейском произношении – Эсав. – С. Л.) – рыжего косматого охотника, «добытчика зверей», прозванного Эдомом – красный (Быт. 25:25), хотя не исключено, что имеется в виду и Адам. Имя Адам происходит от ивритского *адама* – земля, глина. В одном из мидрашей говорится, что глина, из которой был вылеплен Адам, была красного цвета (здесь, видимо, сыграла роль параллель Адам – Эдом), и Адам тоже был рыжим. Адам и Исава не похожи друг на друга, но от этого образ Нафтулы только выигрывает»***

Здесь есть, на наш взгляд, неточности. Во-первых, Эсав никак не был «первым человеком на земле». Во-вторых, известные нам мидраши ничего не говорят о цвете волос первого человека на земле. Говорится лишь о том, что для того, чтобы изготовить (вылепить) тело Адама, Ашем собрал земли со всех частей света – для головы, в частности, – из Эрец-Израэль (Земли Израиля). Положил собранную землю на горе *Мория*, где впоследствии будет находиться жертвенник Храма, смешал ее с водой, взятой со всех океанов мира, и из получившейся глины вылепил фигуру человека.****

** См.: Погорельская Е. Хроника жизни и творчества И.Э. Бабеля // Бабель И. Указ. изд., с. 599, 600.

*** Либерман Я.Л. Исаак Бабель глазами еврея. – Екатеринбург, 1996, с. 30.

**** Рабби Моше Вайсман. Мидраш рассказывает. Берешит. Кн. 1. – Иерусалим: Швут Ами, [1990], с. 53.

Здесь нет конкретного указания на цвет земли Израиля (а она, как известно, может быть разных цветов – белого, желтого, серого и красноватого). Но для Бабеля важно было подчеркнуть «первородство» помогающего продолжению еврейского рода «красного Нафтулы» (так именовался он в первопечатном тексте).

Сам процесс обрезания рисуется в рассказе как торжество плоти с последующим вакхическим празднеством:

«Отрезая то, что ему причиталось, он не отцеживал кровь через стеклянную трубочку, а высасывал ее вывороченными своими губами. Кровь размазывалась по всклокоченной его бороде. Он выходил к гостям захмелевший. Медвежьи глазки его сияли весельем (в первой публикации: «бешеным весельем». – С. Л.). Рыжий, как первый рыжий человек на земле, он гнусавил благословение над вином. Одной рукой Нафтула опрокидывал в заросшую, кривую, огнедышащую яму своего рта водку, в другой руке у него была тарелка. На ней лежал ножик, обогранный младенческой кровью, и кусок марли. Собирая деньги, Нафтула обходил с этой тарелкой гостей: он толкался между женщинами, валился на них, хватал за груди и орал на всю улицу.

– Толстые мамы, – орал старик, сверкая коралловыми глазами, – печатайте мальчиков для Нафтулы, молотите пшеницу на ваших животах, старайтесь для Нафтулы (в первой публикации «для красного Нафтулы». – С. Л.)... Печатайте мальчиков, толстые мамы...

Мужья бросали (в первой публикации «швыряли». – С. Л.) деньги в его тарелку. Жены вытирали кровь с его бороды. Дворы Глухой и Госпитальной не оскудевали. Они кишели детьми, как устья рек икрой. Нафтула плелся со своим мешком, как сборщик податей. Прокурор Орлов остановил Нафтулу в его нескончаемом обходе.

Естественный и заданный от сотворения мира и человека процесс («пру урву» – плодитесь и размножайтесь), которому способствовал «рыжий» Нафтула, пытается остановить представитель власти прокурор Орлов.

«Прокурор гремел с кафедры, стремясь доказать, что малый оператор является служителем культа (в первой публикации «служителем жреца». – С. Л.).

– Верите ли вы в Бога? – спросил он Нафтулу.

---

* Здесь и далее разночтения цитируются по первой публикации: Звезда. 1931. № 7, с. 55-60.

– Пусть в Бога верит тот, кто выиграл двести тысяч, – ответил старик».

Сказанное Нафтулой может удивить: разве то, что он совершает, не предписано Б-гом? Но в еврейской традиции принято не *верить* в Б-га, а *знать*, что Он существует, и представлять себе Его силу и величие. Нафтула высмеивает здесь ходячие плоские представления о вере и неверии...

Прокурор пытается представить моэля неким жрецом культа, поймать его на идеологическом несоответствии революционной современности, давит на его психику. Нафтула, казалось бы, поддается – он съезжился и опустил. «Голова Нафтулы – кудловатый орешек его головы – болтался где-то у самого пола».

И здесь был комментарий от автора, который в дальнейших публикациях отсутствует: «Гений расы говорил в старике – он сохся на суде, съезжился, уменьшился неправдоподобно». Но в следующий же момент тот же «гений расы» заставляет старика распрявиться и парировать вопросы-ловушки прокурора, как уже в приведенном примере о вере в Б-га, в шутливо-ернической манере.

«– Вас не удивил приход гражданки Брутман в поздний час, ночью, в дождь, с новорожденным на руках?»

– Я удивляюсь, – сказал Нафтула, – когда человек делает что-нибудь по-человечески, а когда он делает сумасшедшие штуки – я не удивляюсь...»

Ответы эти не удовлетворили прокурора (в первой публикации после этого предложения: «Он теснил Нафтулу все ожесточеннее». – С. Л.).

Новый заход прокурора – попытка доказать, что своими действиями моэль приносит вред ребенку. «Речь шла о стеклянной трубочке. Прокурор доказывал, что, высасывая кровь губами, подвергал детей (в первой публикации «десятки тысяч детей». – С. Л.) опасности заражения».

Этот довод против обрезания выдвигали в прошлом многие антисемиты, в частности, автор «Книги Кагала» Яков Брафман. Краткая еврейская энциклопедия сообщает: «До сер<едины> 19 в. кровь отсасывали ртом, затем во мн<огих> общинах с одобрения раввинских судов *мецица* [отсасывание] стала

производиться при помощи тампона или через трубочку, содержащую абсорбирующий тампон».*

Однако и в наше время мозли, придерживающиеся ортодоксальной традиции, продолжают отсасывать кровь младенца собственными губами, в чем автору настоящей статьи довелось убедиться, присутствуя в качестве *сандака* (то есть держа младенца на своих коленях) во время обрезания новорожденного внука в сентябре 2015 года в Московской хоральной синагоге.

В рассказе эти надуманные доводы против главного дела своей жизни Нафтула парирует убийственной еврейской иронией, которая взрывает зал.

«Голова Нафтулы болталась где-то у самого пола. Он вздыхал, закрывал глаза и вытирал кулаком провалившийся рот.

– Что вы бормочете, гражданин Герчик? – спросил его председатель.

Нафтула устремил потухший взгляд на прокурора Орлова.

– У покойного мосье Зусмана, – сказал он вздыхая, – у покойного вашего папаши была такая голова, что во всем свете не найти другую такую... И, слава Богу, у него не было апоплексии, когда он тридцать лет назад позвал меня на ваш брис. И вот мы видим, что вы выросли большой человек у советской власти и что Нафтула не захватил вместе с этим куском пустяков ничего такого, что бы вам потом пригодилось...»

Зал реагировал на эти слова «орудиями смеха, громовыми залпами хохота». Заданный ход судебного процесса нарушен, прокурор Орлов (урожденный Зусман) морально уничтожен. Но фарс продолжается, и по ходу его возникают фигуры не только комические, вроде свидетеля Овсея Белоцерковского, докладывающего суду в стиле военного донесения («Он был долговяз, в галифе и кавалерийских ботфортах») о своей работе по заготовке жмыхов и «несчастье» – обрезании новорожденного сына. Мать ребенка Полина Белоцерковская, которую вводят в зал суда в качестве свидетельницы, не может не вызвать сочувствие у присутствующих. Положение, в котором она оказалась, мучительно для нее: то, что для ее матери было долгожданным – рождение внука-еврея, для Поли стало причиной физических и нравственных

* КЕЭ. Т. 6. – Иерусалим, 1992, Стб. 42.

мучений. Она поставлена перед выбором: признать обрезание, сделанное ее сыну, «преступлением», совершенном якобы без ее ведома, и тем самым стать на сторону мужа и сохранить семью, или остаться верной семейной и родовой традиции, выдающей в обрезании знак приобщения к Всевышнему и его народу.

Ее психическое состояние передано через внешние физические проявления, по контрасту с поведением ее отца и матери:

«Судебный пристав ввел свидетельницу Полину Белоцерковскую. Она, шатаясь, подошла к барьеру. Голубоватая судорога недавнего материнства (но ее сыну, как сказано далее, исполнилось пять месяцев! – С. Л.) кривила ее лицо, на нежном лбу стояли капли пота. Она обвела взглядом маленького кузнеца, вырядившегося точно в праздник – в бант и новые штиблеты, – и медное, в седых усах, лицо матери».

Рассказывая о том, что ей известно по данному делу, Полина пытается вывести из-под удара своих родителей, объясняя их поведение бедностью и приверженностью традициям еврейской семьи:

«– Мать очень набожна <...> она всегда страдала оттого, что дети ее неверующие, и не могла перенести мысли о том, что внуки ее не будут евреями. Надо принять во внимание – в какой семье мать выросла...»

Но тут ее, как ранее Нафтулу прокурор, останавливает адвокат-талмудист Самуил Лининг. По его настоянию сейчас должен наступить «момент истины», то есть выяснена степень причастности Полины к совершению *бриса*.

В ироническом освещении Бабеля мать Карла-Янкеля предстает как бы перед высшим судом – судом советского «синедриона»:

«Если бы синедрион существовал в наши дни, – Лининг был бы его главой. Но синедриона нет, и Лининг, в двадцать пять лет обучившийся русской грамоте, стал на четвертом десятке писать в сенат кассационные жалобы, ничем не отличавшиеся от трактатов Талмуда...»

Напряжение, которое испытывает Полина на суде, достигает своей кульминации: «Полина замолкла, капли пота окрасились на ее лбу. Кровь, казалось, просачивается сквозь тонкую кожу».

Это явление, известное в медицине как *гемидроз**, а в исторической литературе как «библейский» кровавый пот (упоминается в Евангелии от Луки в описании моления Иисуса в Гефсиманском саду), запечатлено у Н.С. Лескова в рассказе «Владычный суд» (1877). Рассказчик единственный раз в своей жизни видел этот кровавый пот на жалком и истерзанном страданиями еврее-«интролигаторе» (переплетчике), пытавшемся спасти от рекрутчины своего единственного малолетнего сына. На всю жизнь запомнит он «это росистое клюквенное пятно на предсердии <...> и мне кажется, – продолжает он, – будто я видел сквозь него отверстие человеческого сердца, страдающее самую тяжкую муку – муку отца, стремящегося спасти своего ребенка <...> Передо мною, казалось, стоял не просто человек, а какой-то кровавый исторический символ».**

Речь не идет о прямом заимствовании: в одном из писем на предложение обратиться к произведениям Лескова Бабель уклончиво ответил: «Лескова мне читать поздно или рано – не знаю еще».** Вероятно, у обоих писателей был общий источник, и в художественной структуре «Карла-Янкеля» этот образ человеческого страдания оказался необходим.

Бывший присяжный поверенный Лининг ведет допрос Полины, задавая ей каверзные вопросы, стремясь сбить с толку и признать, что брит был сделан с ее ведома. Но ответы женщины отнюдь не укладываются в заданную им схему. Он требует от нее сказать, каким из двух имен ребенка, данных ему при рождении ее мужем и матерью, она его называет. Но оказывается, что называет его она «дусенькой», а на вопрос почему отвечает: «Я всех детей называю дусеньками...».

Нет, не хочет Поля Белоцерковская становиться на чью-либо из спорящих сторон – для нее важно не имя, а то, что за ним стоит, – живое и дорогое для нее существо.

Лининг, казалось бы, загнал ее в ловушку, воспользовавшись ее смятенными чувствами и уличив в том, что во время обре-

---

* Кровавый пот возникает на неповрежденных участках кожи при максимальном нервном напряжении.

** Лесков Н.С. Собр. соч. В 11 т. – М: ГИХЛ, 1958, т. 6, с. 112.

*** Бабель И. Письма другу: Из архива И.Л. Лившица. – М: Три квадрата, 2007, с. 80.

зания ее не могли «пользовать» в лечебнице у доктора Дризо (на этот счет у него есть заранее заготовленная справка о том, что «в период времени, о котором идет речь, доктор Дризо отсутствовал»). Поля вынуждена выкручиваться, сказав, что бюллетень из страхкасы она потеряла.

Ни тени сочувствия не вызывает она ни у старого адвоката, ни даже у собственного мужа. «Муж ее сидел на краю скамьи, отдельно от других свидетелей. Он сидел выпрямившись, подобрав под себя длинные ноги в кавалерийских ботфортах... Солнце падало на его лицо, набитое перекладинами мелких и злых костей».

И всю эту фантазмагорию вдруг прерывает детский плач: «За дверью плакал и кряхтел ребенок». Простой житейский посыл вторгается в душную атмосферу суда.

«– О чем ты думаешь, Поля? – густым голосом сказала старуха. – Ребенок с утра не кормленный, ребенок захлял от крика...»

Красноармейцы, вздрогнув, подобрали винтовки. Полина скользила все ниже, голова ее закинулась и легла на пол. Руки взлетели, задвигались в воздухе и обрушились.

– Перерыв! – закричал председатель».

Здесь – кульминация рассказа. Становится ясно, что продолжение судебного процесса бессмысленно, но после перерыва он возобновляется, перейдя полностью в плоскость борьбы с религией. Идет «бой» между прокурором и экспертами, давшими уклончивое заключение. «Общественный обвинитель, приподнявшись, стучал кулаком по пюпитру». В первом ряду сидят галицийские цадики, приехавшие на процесс, прослышав, что здесь собираются «судить еврейскую религию». Пробравшийся к самой сцене комсомолец кричит: «Долой (в первой публикации «Долой их». – С. Л.)». «Бой разгорался жарче», – повторяет автор. И только Карл-Янкель был занят главным делом своей жизни: «бессмысленно уставившись на меня, сосал грудь киргизки».

Мнения зала разделились. Для одних важно: «Ребенка покормить!». Для других: «Припутана дочка <...> дочка в доле...». Третьи пытаются примирить спорящих: «Семья, брат <...> ночное дело, темное... Ночью запутают, днем не распутаешь...».

Для рассказчика и автора важнее всего судьба ребенка с таким странным именем. Именно этот «пухлый человек пяти месяцев

отроду, в вязаных носках и с белым хохлом на голове», энергично сосуший грудь незнакомой женщины, олицетворяет будущее.

Бабель был твердо убежден – и об этом писал в одном из своих новожизненных очерков 1918 года «Дворец материнства»:

«Вскинуть на плечо винтовку и стрелять в друг дружку – это, может быть, иногда бывает неглупо. Но это еще не вся революция. Кто знает – может быть, это вовсе не революция.

Надобно хорошо рожать детей. И это – я знаю твердо – настоящая революция <...>

Дети должны жить. Рожать их нужно для лучшего устройства человеческой жизни».

Этому убеждению он остался верен и в рассказе «Карл-Янкель». В этом смысл заключительных слов:

«– Не может быть, – шептал я сам себе, – чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливей меня...»

Встав над идеологическими спорами и разрушительными тенденциями своего времени, Бабель провозгласил в качестве единственного критерия истинности исторического прогресса безусловную ценность человеческой жизни, находящую свое воплощение в материнстве и младенчестве. И в этом своем содержании рассказ «Карл-Янкель» воспринимается как человеческий и художественный документ, как своего рода завещание Бабеля.

Иерусалим

